

М. Н. Власова (Санкт-Петербург)
**Вклад Б. Н. Путилова в изучение русской
несказочной прозы**

M. N. Vlasova (Saint Petersburg)
**Contribution of B. N. Putilov to the study
of the Russian non-fictional prose**

Аннотация

В статье проанализированы теоретические взгляды Б. Н. Путилова, который постулировал типовой характер русских мифологических рассказов (быличек), закономерную повторяемость их сюжетов и мотивов, имеющих параллели в общеславянском (и не только) сюжетном фонде. Особое внимание Б. Н. Путилов уделил своеобразной поэтике и внетекстовым связям этой категории народной прозы.

Ключевые слова: *несказочная проза, мифологические рассказы, былички, традиционное мировоззрение*

Abstract

The theoretical approach of B. N. Putilov who postulated a typical character of the Russian mythological stories ("bylichkas"), regular reproducibility of their plots and motifs that have analogues in the Slavic (and not only) plot resources was analyzed in this study. B. N. Putilov paid special attention to a specific poetics and intertextuality of this category of folk prose.

Keywords: *non-fictional prose, mythological stories, bylichkas, traditional worldview*

В разнообразном по тематике фундаментальном научном наследии Б. Н. Путилова небольшое предисловие к сборнику «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири», подготовленного В. П. Зиновьевым¹, занимает, казалось бы, малозаметное, «проходное» место.

Тем не менее эта работа, сжато подытоживающая результаты наиболее значимых предшествующих отечественных исследований², содержит и характеристику

¹ Путилов Б. Н. Предисловие // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 7–10.

² Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975; Зиновьев В. П. Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. С. 381–400.

состава, функций данной категории народной прозы, и постулаты, перспективные для дальнейшего ее изучения.

Постулируя типовой характер русских мифологических рассказов (быличек), закономерную повторяемость их сюжетов и мотивов, имеющих параллели в общеславянском (и не только) сюжетном фонде, Путилов уделяет особое внимание внетекстовым связям и своеобразной поэтике этой категории несказочной прозы.

Очевидно, что в период написания предисловия его автор, придерживаясь термина «быличка» исключительно³, еще находится в русле принятых русской фольклористикой жанровых разграничений⁴.

При этом в названии самого сборника, где фигурирует термин «мифологические рассказы»⁵, отражено усиливающееся к концу 80-х – началу 90-х гг. XX в. тяготение значительной части исследователей к использованию определений и классификаций, заимствованных из зарубежной фольклористики.

Сам Зиновьев и в собирательской, и в исследовательской деятельности руководствовался традиционной терминологией. Заглавие его диссертационного сочинения: «Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы»⁶.

В аннотации к сборнику под «мифологическими рассказами» подразумеваются исключительно «былички, бывальщины о домовых, водяных, русалках, ведьмах, колдунах»⁷. Такое ограничение сужает понятие «мифологический рассказ», трактуемое в зарубежной фольклористике более широко⁸.

Отметим также, что экскурсы в область терминологии и методологии зарубежной фольклористики, предпринимавшиеся и ранее, носили аналитически-

³ Термин «быличка» (как обозначение «небольшого рассказа о нечистой силе») был введен в фольклористический обиход Б. и Ю. Соколовыми. См.: *Соколовы Б. и Ю.* Сказки и песни Белозерского края. М., 1915. С. XXXIX–XLV, LVIII–LX. Н. Е. Ончуков разграничил былички и имеющие, с его точки зрения, «более обобщенный характер» бывальщины и досюльщины. См.: *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1908. С. XXI, XXXI. Эта терминология имела в последующих классификациях неоднозначные и даже противоречивые коннотации (см.: *Азадовский М. К.* О русской сказочной традиции в Карелии // Русские сказки в Карелии. Петрозаводск, 1947. С. 19–20; *Гусев В. Е.* Эстетика фольклора. Л., 1967. С. 114; *Азбелев С. Н.* Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Русский фольклор: Специфика фольклорных жанров. Т. 10. М.; Л., 1960. С. 180–185). Наиболее адекватны, на наш взгляд, определения и классификации, предложенные В. Я. Проппом (см.: *Пропп В. Я.*: 1) Принципы классификации фольклорных жанров // Советская этнография. 1964. № 4. С. 147–154; 2) Жанровый состав русского фольклора // Русская литература. 1964. № 4. С. 60) и Э. В. Померанцевой (см.: *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. С. 8–15).

⁴ Характеристика дальнейшей эволюции взглядов Б. Н. Путилова на проблемы жанровой классификации выходит за рамки данной статьи.

⁵ Этот термин – калька с немецкого «mythische Sagen».

⁶ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. С. 381.

⁷ Там же. С. 2.

⁸ Так, «Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов», подготовленный Л. Симонсуури, включает разделы о великанах, деяния которых формируют ландшафт; о богохульниках-святотатцах; о мифических животных. См.: *Симонсуури Л.* Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов / Пер. с нем. Н. А. Прушинской. Петрозаводск, 1991. С. 5, 7–8, 124–129, 160–180, 189–190.

сопоставительный и, скорее, дискуссионный характер. Принятое в зарубежных классификациях объединение легенд и преданий в группу Sage, охватывающую все «сказочные» повествования, за исключением анекдотов, и разделяемую затем тематически, повлияло, прямо либо косвенно, на многие отечественные «классификационные опыты». С. Н. Азбелев, к примеру, считая легенды и предания двумя основными категориями русской сказочной прозы, относил «судебные рассказы» (былички и бывальщины) к одной из разновидностей легенд – «судебной легенде»⁹.

Б. Н. Путилов понимает под быличками тексты, относящиеся «к области фольклорной сказочной прозы». «Былички гораздо более непосредственно, чем сказки, связаны с мифологией, с обыденными представлениями древнего коллектива об окружающем мире, – пишет он. – В быличках преломился мир так называемой низшей мифологии. Далеким нашим предкам верили в “хозяев” и “духов” окружающих лесов, полей, рек, дома, бани, огорода и т. д., полагали возможным устанавливать с ними отношения, обеспечивавшие людям благополучие, склонны были объяснять различные несчастья и неудачи нарушением этих отношений и вмешательством чужих сил в повседневную жизнь...

Былички сохраняют представления о происхождении, внешнем виде, свойствах, способностях, вредоносных или положительных возможностях этих существ, о последствиях встреч с ними»¹⁰.

Это определение в общих чертах сходно с формулировкой В. Я. Проппа: «Под быличками понимаются рассказы, действующими лицами которых выступают лешие, водяные, полевика, домовые, русалки, банники и т. д., то есть демонические существа, проявляющие на человеке свои сверхъестественные силы, добрые или злые. Мы предлагаем выделить былички – по признаку принадлежности их образов к дохристианской религии, не умершей к моменту исполнения рассказа, и по признаку веры в действительность передаваемых событий – в особый жанр»¹¹.

⁹ Азбелев С. Н. Русская народная проза // Народная проза. М., 1992. С. 14–15. К. В. Чистов считал «заимствованную аберрацию» вынужденной, отмечая, что термин «легенда» и его понимание в русской и зарубежной фольклористике «неопределенно и даже противоречиво». См.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 5. На отсутствие «единства терминологии» указывала В. К. Соколова: «В разных странах для отдельных видов сказочной прозы существуют свои термины; нередко одни и те же термины употребляются в более широком или узком значении, или одни и те же категории обозначаются разными терминами». См.: Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970. С. 4. «Мы не можем включаться в международную терминологию, так как этой международной терминологии еще нет, – пишет В. Я. Пропп. – Так, немецкое слово Sage применимо ко всем установленным здесь жанрам (имеются в виду легенды, предания, былички. – М. В.) <...> кроме того, оно применяется к героическому эпосу; словом “легенда” обозначаются также все выделенные здесь жанры и, кроме того, особенно в английском языке, этим словом часто обозначают античный миф. Русская терминология дает возможность более точных и дифференцированных обозначений». См.: Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 56–57.

¹⁰ Путилов Б. Н. Предисловие. С. 7, 8.

¹¹ Пропп В. Я. Русская сказка. С. 46, 48.

Для Путилова, как и для Проппа, помимо «персонажного» наполнения, существенна функциональная направленность жанра, прежде всего – утверждение бытовавших и бытующих верований.

«В фольклористике принято еще границу между сказками и быличками прокладывать по категории неверия и веры: сказка – заведомый вымысел, который так и воспринимается слушателями и так подается рассказчиком, – отмечает Путилов, – в быличку “верят” и те, кто рассказывает, и те, кто слушает»¹². (Слово «верят» в цитируемом тексте взято в кавычки не случайно и отражает позицию автора, о которой будет сказано ниже.)

Особое внимание Путилова, как и многих фольклористов, писавших о быличках, привлекает сугубая «достоверность» рассказов о сверхъестественных силах и существах, разворачивающихся «в обстановке обыденности», «деревенской домашней жизни».

Здесь «действуют обыкновенные реальные люди – сами рассказчики либо их близкие и знакомые», – констатирует Путилов. Место действия обозначено «вполне определенно»: «знакомые двory, дома, бани, кладбища, ближайшее поле, река, дорога, соединяющая деревни».

Обыденное течение жизни «резко нарушается вмешательством необычайного, фантастического, которое оказывается тут же, рядом», – резюмирует он¹³.

В исследованиях начала XX в. подобный разворот событий может объясняться «таинственностью и жутью» природы, порождающей «галлюцинации»¹⁴; в работах конца XX в. – трактоваться как проявление «фантастического мира» (и даже «антимира»¹⁵), «существующего в обобщенном сознании крестьян» и т. п.¹⁶

Анализ жанра как совокупности мотивов и образов, актуализирующих определенное мировоззрение, заменяется своеобразной «демистификацией» народных верований.

Термины «фантастический», тем более – «антимир», по крайней мере, нуждаются в конкретизации; их соотносимость с традиционным крестьянским мировоззрением сомнительна.

Согласно точному замечанию Л. Леви-Брюля, мы находим мифологические повествования «сказочными и чудесными» потому, что «не испытываем непосредственного ощущения реальности мифического мира», в то время как их рассказчики (конечно, в большей или меньшей степени – в разные исторические периоды) постоянно чувствуют себя перед лицом невидимых существ и влияний¹⁷.

¹² Путилов Б. Н. Предисловие. С. 7–8.

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. С. LVIII–LIX.

¹⁵ «Быличка повествует о неожиданном контакте героя и антагониста: о вторжении антагониста в реальный мир или о перенесении героя в антимир». См.: Ефимова Е. С. Основные мотивы русских быличек (опыт классификации) // Сказки и несказочная проза: Межвузовский сборник. М., 1992. С. 53.

¹⁶ Черепанова О. А. Сказки и легенды Русского Севера. СПб., 1996. С. 10.

¹⁷ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. Л., 1937. С. 320, 313.

«Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в высшей степени напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни...» – полемически заостряет сходные идеи А. Ф. Лосев¹⁸.

В свете вышесказанного определение былички как «поэтической небывальщины», сохраняющей «следы древних представлений, отчасти же принявшей форму “фантастически-бытового” рассказа», содержащееся в конце предисловия¹⁹, кажется нам досадным недоразумением; возможно, – следствием некоторой, диктуемой идеологемами, боязни охарактеризовать актуализируемые быличкой верования как бытующие.

По мнению Путилова, аргументированно изложенному в первой части предисловия, в быличках, «сквозь густой слой поздней бытовой реальности», нам явлена все же не фантастика, но «архаические мотивы и первоначальные мифологические связи»²⁰.

Быличка, таким образом, является произведением сказочной прозы, обосновывающим и развивающим представления о мифологизированном универсуме.

Эти представления не относятся исключительно к области далекого прошлого. На протяжении всего XX в. сюжетный фонд данного жанра демонстрирует поразительную устойчивость, актуализируя, наряду с «пережиточными», бытующие поверья.

Мотивы, образы быличек имеют специфические формы, особенности бытования, но никак не «случайны», не «бесформенны».

«Былички также многое дают для понимания путей сложения традиции фольклорного рассказывания – искусства нарратива, – пишет Путилов. – Лишь при самом поверхностном взгляде рассказы эти воспринимаются как “единичные”, “исключительные” истории. На самом же деле все они оказываются вариациями устойчивых сюжетных тем, постоянно реализуемых во множестве текстов, и темы эти восходят к общеславянскому фонду и имеют параллели в фольклоре других народов. Сходство рассказов, записанных в разных местах и в разное время, подчас поразительно»²¹.

¹⁸ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 2001. С. 36.

¹⁹ Путилов Б. Н. Предисловие. С. 9.

²⁰ Там же. С. 8. Сходный тезис положен в основу книги «Древняя Русь в лицах: Боги, герои, люди», в одном из разделов которой Путилов характеризует верования «Руси языческой» из области так называемой «низшей мифологии». Этот раздел, где без серьезных обоснований уравниваются сведения о мифологических персонажах, почерпнутые из многочисленных фольклорно-этнографических материалов XIX–XX вв., и скудные, отрывочные, зачастую нуждающиеся в доскональном изучении упоминания, содержащиеся в древнерусских летописях и житийной литературе, оставлен за пределами нашего рассмотрения. Отметим все же, что автор, не цитируя тексты быличек, рекомендует их читателю как познавательное и увлекательное чтение. См.: Путилов Б. Н. Древняя Русь в лицах: Боги, герои, люди. Изд. 2-е. СПб., 2000. С. 27–28.

²¹ Путилов Б. Н. Предисловие. С. 8–9.

Ограничиваясь констатацией типологических параллелей и наличия «определенной системы» в сюжетеке быличек, Путилов подчеркивает значение указателя сюжетов, помещенного в сборнике В. П. Зиновьева, поскольку лишь целостный взгляд на корпус текстов восточносибирской традиции в его максимальной полноте позволяет выявить особенности этой «сюжетной системы»²².

Ввиду небольших размеров предисловия (пожалуй, тут сыграла роль и направленность его научных изысканий), Путилов не касается структурных элементов сюжета либо его композиционного построения. Повторим, что речь идет лишь о типологии, а также о «варьировании сюжетных тем», сугубо существенном для «сложения традиции фольклорного рассказывания – искусства нарратива»²³.

Изложение взглядов Б. Н. Путилова на проблему широко понимаемого варьирования не является здесь нашей задачей. Заметим лишь, что усиленное внимание к сюжетам и сюжетным темам, к сожалению, никак не сопоставляется исследователем с возможными принципами построения (внутренней организации) указателей несказочной прозы, на необходимость создания которых он справедливо указывает.

Наиболее значимым в предисловии представляется взгляд на быличку как на сложное мировоззренческое и, в то же время, художественное явление, обладающее своеобразной поэтикой.

«Дело в конечном счете не в том, “верят” или нет рассказчики тому, что они рассказывают; главное, что принцип достоверности выступает как организующее эстетическое начало, – подчеркивает Путилов. – Без внутренней художественной установки на действительность рассказанного, без “документального” обрамления, без всей массы реальных деталей, без ссылки рассказчика на собственные наблюдения и переживания былички просто перестают существовать»²⁴.

Повествование былички преобразует действительность, описывая (концептируя) ее в мифологических мотивах, образах. Случайное, так сказать, «разрозненное» событие человеческой жизни коррелируется с событием

²² Путилов Б. Н. Предисловие. С. 9.

²³ Там же. С. 8.

²⁴ Там же. В определении особенностей поэтики былички, ее функций можно проследить две линии. Значительная часть исследований 1970–1980-х гг. постулирует «отсутствие задач художественности» при сложении и бытовании произведений данной категории народной прозы, для которых характерны «установка на достоверность» и «отсутствие формы и стиля». Основная их функция – информативная либо дидактическая. Подробнее см.: Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. С. 8–12. Второе направление, к которому примыкает и Б. Н. Путилов, представлено исследованиями В. Я. Проппа, Э. В. Померанцевой, Д. М. Балашова и, отчасти, В. П. Зиновьева. Все они отмечают специфическую поэтику быличек, их «особое отношение к действительности как к объекту художественного творчества», полагая, что эстетическая функция данного жанра по крайней мере равноправна с другими его функциями. См.: Пропп В. Я. Жанровый состав русского фольклора. С. 60; Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. С. 27; Балашов Д. М. Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970. С. 29; Зиновьев В. П. Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы. С. 384.

«архетипически случайным»²⁵. «Общеизвестный мотив, сюжет соотносится с конкретным местом действия, реально произошедшие события – с бытующими поверьями. Подтверждается “истинность” того или иного верования, отраженного во вновь и вновь повторяющемся сюжете, а индивидуальные переживания становятся по-настоящему достоверными, то есть соответствующими общепринятым взглядам»²⁶.

Роль индивидуальной интерпретации и личного опыта в быличке очень велика. Намечены самые общие контуры композиции; обрисовать в подробностях действующих лиц и само действие – прерогатива рассказчика²⁷. Корпус текстов быличек, таким образом, постоянно пополняется. До некоторой степени здесь применимо и наблюдение Путилова, содержащееся в работе «Фольклор и народная культура»: «Стремление фольклорного творчества через варьирование к “исчерпанности” заданной традицией темы-коллизии <...> приводит к возникновению (в рамках этнических и межэтнических) полифонически богатого, емкого и парадоксального фонда родственных сюжетов»²⁸.

Корреляция реального и чудесного, случайного и традиционного, индивидуального и архетипического – необходимое условие бытования жанра – обуславливает многосложную вариативность сюжетного корпуса быличек.

Путилов правомерно называет «внутреннюю установку на достоверность рассказанного» – «художественной», формирующей поэтику былички. «Заземление», индивидуализация, детализация чудесного события – художественный прием, блестяще используемый лучшими исполнителями, к примеру, Марией Андреевной Андреевой из д. Пономарево Новгородской области, быличка которой актуализирует представления о власти нечисти над самоубийцами.

О необычайном происшествии (черти улетают верхом на одной из ее соседок) Мария Андреевна повествует так: «От задавилася соседка там. А поднялся вихор... Открылося всё... Сўпрядка вся выскочила на улицу глядеть. А на ей черти поехали!

По сарафану узнали, говорить: “Ой, ета на нашей Сюне поехали черти!”...»

После паузы рассказчица добавляет: «Бархатный сарафан на ей одет был»²⁹.

²⁵ «...все, что не имеет образцовой модели, “лишено смысла”, иначе говоря, ему недостает реальности» (*Элиаде М.* Космос и история. М., 1987. С. 55).

²⁶ Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / Сост., подгот. текстов, вступит. статья и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2015. С. 8. «Для тех, среди кого миф возник и бытовал, миф – “правда”, потому что он – осмысление реальной данной и “сейчас” длящейся действительности, принятое многими поколениями людей до нас» (*Мелетинский Е. М.* Мифология // Мифы народов мира. М., 1987. Т. 2. С. 15).

²⁷ Ср. наблюдение одного из лучших собирателей фольклора Д. М. Балашова: каждая быличка всегда начинается «реальным» зачином: «кто, где, когда, с кем случилось, кто рассказывал, хотя бы вся история относилась к ходячим по всей стране, традиционным сюжетам» (*Балашов Д. М.* Сказки Терского берега Белого моря. С. 20).

²⁸ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In *memoriam* / Сост. Е. О. Путилова. СПб., 2003. С. 195.

²⁹ Архив собирателя М. Н. Власовой. Холмский район Новгородской области, д. Пономарево, Андреева М. А., 1903 г. р. Запись 1985 г.

Подобное построение повествования (хотя мы, конечно, не можем ставить знак равенства между поэтикой фольклора и литературы), поразительно напоминает «магический реализм» произведений Г. Г. Маркеса, где обыденно-бытовые детали придают свершающемуся чуду «неоспоримую достоверность». Так, Ремедиос Прекрасная возносится на небеса, «окруженная ослепительно белым трепетанием» свежевыстиранных, поднимающихся вместе с ней простынь, покидая «слой воздуха, в котором летают жуки и цветут георгины»³⁰.

Основываясь на архивных и современных записях быличек, можно утверждать: акцент в исполнении делается не на изложении общеизвестного представления либо «ходячего» сюжета, но на его творческой интерпретации, на виртуозной «игре фактом», которая доставляет рассказчику эстетическое наслаждение.

Своеобразие интерпретации, драматургия повествования напрямую связаны с личностью исполнителя, с актом однократного исполнения или (по формулировке выдающегося фольклориста А. И. Никифорова) – «неповторимого и неподражаемого» творения, каким является исполнение, – каждый раз «в новых условиях, с новым эстетическим пафосом»³¹.

Обширное и значимое научное наследие Путилова питало и питает фольклористические исследования различных направлений, что особенно хорошо видно по сборнику Б. Н. Путилова «Фольклор и народная культура. In memoriam», где лучшие работы Бориса Николаевича соседствуют со статьями его коллег и последователей.

Знакомясь с этими исследованиями, нельзя не заметить, что в некоторых из них изучение несказочной прозы зачастую фрагментировано: сосредотачивается то на контексте исполнения, с подчеркнутым вниманием к формализованной ситуации «исполнитель – слушатель», то на функциях фольклорного произведения, обусловленных исключительно передачей социально значимой информации, и т. п.

Не оспаривая права различных исследовательских подходов на существование, констатирую все же, что, главным образом, в борьбе с традиционным для классической русской фольклористики пониманием фольклора прежде всего как искусства слова (хотя у лучших наших ученых этот подход никогда не был столь односторонним), рассматривая текст фольклорного произведения лишь как претекст, либо часть некоего претекста, либо формализованный комплекс функций и речевых высказываний, фольклорное произведение как целостное явление, плод художественного творчества мы теряем.

³⁰ Маркес Г. Г. Сто лет одиночества. М., 1992. С. 259. Сходство некоторых повествовательных приемов «элитарного» романа и произведений крестьянской несказочной прозы еще в 80-е гг. XX в. обратило внимание автора статьи (тогда – начинающего собирателя фольклора и почитателя творчества Маркеса) на несомненную художественность крестьянских быличек.

³¹ Никифоров А. И. Просто о Севере // Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор. Неизданные материалы экспедиций на Русский Север. 1926–1928 / Вступит. ст., сост., подгот. текстов и комм. М. Н. Власовой. Изд. 2-е. СПб., 2018. С. 587.

Вместе с устаревшим словосочетанием «устное народнопоэтическое творчество» отброшено и само понятие творчества, которое не поддается механистическому анализу³². Исполнителя-творца заменяет информант. Фольклор и различные формы его бытования понимаются как средство социальной технологии и контроля.

Именно поэтому значимость эстетических организующих начал и внутренних художественных установок сказочной прозы, искусства сложения нарратива, отмеченная Б. Н. Путиловым, представляется нам не до конца востребованной и актуальной.

Литература

Азадовский М. К. О русской сказочной традиции в Карелии // Русские сказки в Карелии. Петрозаводск, 1947. С. 5–24.

Азбелев С. Н. Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Русский фольклор: Специфика фольклорных жанров. Т. 10. М.; Л., 1960. С. 180–185.

Азбелев С. Н. Русская народная проза // Народная проза. М., 1992. С. 5–19.

Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л., 1967.

Балашов Д. М. Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970.

Ефимова Е. С. Основные мотивы русских быличек (опыт классификации) // Сказки и сказочная проза: Межвузовский сборник. М., 1992. С. 52–63.

Зиновьев В. П. Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 381–400.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. Л., 1937.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 2001.

Маркес Г. Г. Сто лет одиночества. М., 1992.

Мелетинский Е. М. Мифология // Мифы народов мира. М., 1987. Т. 2. С. 15.

Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / Сост., подгот. текстов, вступит. ст. и комм. М. Н. Власовой. СПб., 2015.

Никифоров А. И. Просто о Севере // Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор. Неизданные материалы экспедиций на Русский Север. 1926–1928 / Вступит. статья, сост., подгот. текстов и комм. М. Н. Власовой. Изд 2-е. СПб., 2018. С. 559–604.

Ончуков Н. Е. Северные сказки. СПб., 1908.

Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Протт В. Я. Жанровый состав русского фольклора // Русская литература. 1964. № 4. С. 58–76.

³² «Тяготение к чрезмерной жесткости, схематичности уничтожает ту органичность, свободу, которая собственно и составляет необыкновенную силу, жизнестойкость и привлекательность народной традиции» (*Ромодин А. В.* Человек творящий. СПб., 2009. С. 216).

Протт В. Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Советская этнография. 1964. № 4. С. 147–154.

Протт В. Я. Русская сказка. Л., 1984.

Путилов Б. Н. Древняя Русь в лицах: Боги, герои, люди. Изд. 2-е. СПб., 2000.

Путилов Б. Н. Предисловие // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 7–10.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam / Сост. Е. О. Путилова. СПб., 2003.

Ромодин А. В. Человек творящий. СПб., 2009.

Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов / Пер. с нем. Н. А. Прушинской. Петрозаводск, 1991.

Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970.

Черепанова О. А. Сказки и легенды Русского Севера. СПб., 1996.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.

Элиаде М. Космос и история. М., 1987.